

УДК 323.21

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.51.17>

Государственный патернализм как социокультурная матрица российской цивилизационной выживаемости

В. Г. Федоров*

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация*

Аннотация. Поднимается проблема изучения государственного патернализма как социокультурного стержня российского общества. Проведен подробный анализ государственного патернализма в качестве социокультурной матрицы российской цивилизации. Рассматривается вопрос о сохранении комплексного ценностно-смыслового единства российского общества в рамках перманентных исторических потрясений и кризисов. Обосновывается значимость социокультурной доктрины российского государственного патернализма как фактора самоидентификации и выживаемости цивилизации. Резюмируется роль российских приживальцев (иждивенцев) в парадигме патерналистского диалога, акцентируется внимание, что нарушение баланса сил в патерналистском диалоге приводит к массовым волнениям, бунтам, восстаниям, смуте. Описывается трансформация государственного патернализма в российском культурно-историческом пространстве. Используются методы социокультурного подхода, транскомуникативного подхода и архитектоники для установления причинно-следственных связей между государственным патернализмом и социокультурной матрицей российской цивилизации.

Ключевые слова: патернализм, государственный патернализм, ценностно-смысловое единство, социокультурная матрица, опекунство, иждивенчество, транскомуникация, цивилизационная выживаемость.

Для цитирования: Федоров В. Г. Государственный патернализм как социокультурная матрица российской цивилизационной выживаемости // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2025. Т. 51. С. 17–29. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.51.17>

Original article

State Paternalism as a Socio-Cultural Matrix of Russian Civilizational Survival

V. G. Fedorov*

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

Abstract. In the context of the study, the problem of studying state paternalism as a socio-cultural core of Russian society is raised. A detailed analysis of state paternalism as a socio-cultural matrix of Russian civilization is carried out. The issue of preserving the complex value-semantic unity of Russian society within the framework of permanent historical upheavals and crises is considered. The

importance of the socio-cultural doctrine of Russian state paternalism as a factor of self-identification and survival of civilization is substantiated. The role of Russian dependents in the paradigm of paternalistic dialogue is summarized, and attention is focused on the fact that a violation of the balance of power in the paternalistic dialogue leads to mass unrest, riots, uprisings, and turmoil. The transformation of state paternalism in the Russian cultural and historical space is described. The author uses the methods of a sociocultural approach, a transcommunicative approach and architectonics to establish cause-and-effect relationships between state paternalism and the sociocultural matrix of Russian civilization.

Keywords: paternalism, state paternalism, value-semantic unity, socio-cultural matrix, guardianship, dependency, transcommunication, civilizational survival.

For citation: Fedorov V.G. State Paternalism as a Socio-Cultural Matrix of Russian Civilizational Survival. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2025, vol. 51, pp. 17-29. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.51.17> (in Russian)

Введение

Проблема дифференциации развития российского общества в пространственно-временной и социально-культурной плоскости представляет собой растущее расщепление единого мегаисторического процесса на дробные части. По своей сущности, характеристикам и функциональному назначению они способны вступать в активное взаимное противопоставление. Построение ответа на научную проблему о фундаментальном социокультурном стержне, который синтезирует в рамках единой логики детализированную и парадоксальную историко-культурную эмпирику российской цивилизации, заключается в обращении к обоснованию концепции государственного патернализма.

Понятие «патернализм» произошло от латинского слова *paternus*, которое можно дословно перевести как «отцовский». На сегодняшний день в трудах исследователей под патернализмом понимают комплекс действий, ориентированных на проявление «отеческой заботы» по отношению к категориям населения, нуждающихся в социально-экономическом покровительстве со стороны государства [4, с. 4].

Патернализм своими корнями глубоко уходит в социокультурную толщу истории, к древним истокам зарождения человека как существа социального, рационального, созидательного, символического, но тесно связанного с природой. Потребность в выживаемости человеческого рода диагностировала необходимость создать институт примитивного властного подчинения. Во главу рода (родоплеменного союза) вставал «вождь» – главенствующая фигура, авторитет, носитель сакральных, традиционных ценностей, многовекового опыта народа, чей статус, бремя и сила являлись непререкаемы. В процессе создания типологии мотивов власти известный социолог и политолог М. Вебер определял исторически первой властью патриархальную – власть главы рода, племени, союза племен и протогосударственных образований [2, с. 269, 270]. Патриархализм и патримониализм есть формы патерналистской культуры господства.

Атрибутика и символическая мистификация власти «патрона» над безропотным населением стала ранней установкой патерналистской социокультурной матрицы. Патернализм служил «кровеносной системой» взаимоотно-

ношений «отца-покровителя» с членами общества. Прогрессивно формировался нарратив бескомпромиссной сакрализации роли «отца» как незыблемого охранителя социального бытия от внутренних и внешних угроз. Патерналистская установка плавно переходила в разряд социокультурной феноменологии, укоренялась в ментальную структуру человеческого подсознания.

И западная, и восточная культурно-исторические матрицы на зачатках своей эволюции опирались на культ семейных отношений. Основной ячейкой аграрного общества была патриархальная семья. Выше уже подчеркивался тот факт, что семья являлась носителем традиционных ценностей, обычаев и многовекового опыта народов. Роль ревнителя ценностей целых поколений отводилась «отцу-большаку».

Во многом на размежевание патернализма в западном общественном устройстве повлияло унаследованное от античного мира частное начало и практика договорных отношений между патроном и клиентом. Как отмечает Т. Ф. Ермоленко, в силу огромного поля для маневра, основанного на обширной индивидуальной базе, патернализм у европейской цивилизации, в отличие от российской, не стал единственной матрицей общественного бытия. Патернализм как общекультурное достояние в истории человечества смог адаптироваться и стать адекватным культурным конструктом той или иной цивилизации [5, с. 67]. Однако научное исследование более заинтересовано в изучении российской патерналистской социокультурной матрицы.

Методы

Достижению цели исследования способствовало применение некоторых методов. В научной статье применялся транскомуникативный подход В. И. Кабрина и С. А. Литвиной. Транскомуникация позволяет человеку «общаться» с более сложными или менее сложными явлениями, чем он сам, куда войдут как обратимые процессы, так и новые синтезы среди разных видов, уровней и форм человеческой коммуникации [11]. Широкое применение в научно-исследовательской работе приобрели социокультурный подход и архитекtonика И. В. Кондакова [9; 10]. Оба метода обосновывают национальную культуру как сложную структуру, непрерывно развивающуюся и самоорганизующуюся в ценностно-смысловое единство. С помощью транскомуникативного подхода, социокультурного подхода и архитекtonики стало возможно объяснить причинно-следственную связь в вопросе влияния российской патерналистской социокультурной матрицы на цивилизационную выживаемость России, а также обосновать роль государственного патернализма как связующей черты ценностно-смыслового единства российского общества на протяжении тысячелетней истории отечества.

Результаты

Российский государственный патернализм не просто особенность, не ошибка ментального восприятия, а корень коммуникативного общения государства и общества как с историко-культурной точки зрения, так и с психологической. Наиболее полно способен объяснить обозначенную данность

транскоммуникативный подход В. И. Кабрина и С. А. Литвиной. Патернализм как социальная установка – это целый пласт смыслового кода, состоящего из языковых и символических конструкций, архетипов, возникших с помощью всего многообразия межличностного диалога и взаимоотношения человека с современной изменяющейся социальной конъюнктурой, а также с культурой, традициями и др.

Транскоммуникация является частным случаем социокультурного подхода, которая ориентирована подчеркнуть историко-культурную и ментально-когнитивную преемственность российской народности, которая вопреки общим «эпохальным» разночтениям сохранила первичный ментальный код. Уникальность отечественного исторического процесса заключена в его структурной дискретности. Прерывистость отражалась в специфике каждого периода российской истории отрицать предыдущий. Отвержение сопровождалось колоссальными жертвами: происходил не только демонтаж государственной системы управления и привычной формы общественных отношений, но и сдвиг морально-нравственных и ценностных установок. Подобные исторические пертурбации приводили к утрате части накопленных к тому моменту общественных достижений. Однако какие бы не были резкие разрывы с прошлым, на всех уровнях исторического развития поступательно интегрировались основополагающие специфики предыдущих эпох. Одной из таких особых черт в истории отечества является патерналистская традиция, уплотнившаяся в политическом сознании и культуре россиян. Вне зависимости от масштабности общественной модернизации социокультурная матрица патернализма передавалась из поколения в поколение, адаптировалась, меняла тональность и аранжировку, а также укоренялась в ментальном восприятии целой цивилизации [11].

Разрыв в изучении национального историко-культурного пространства затрудняется двумя научно-теоретическими тенденциями, господствующими в российском исследовательском поле.

Первая проблема: история фундаментальная и история частная (история культуры, история государства и др.) сводятся к определенным социально-экономическим и социально-политическим моделям восприятия исторической реальности, каждая из которых наглядно иллюстрируется социокультурными примерами. Особо активно отечественная история подверглась акту идеологического и политизированного пересмотра в XX в., когда весь пласт исторических фактов и сведений подгонялся в угоду марксистско-ленинской модели формационной динамики общества. На сегодняшний день, по мнению ряда исследователей, в качестве реакции на вульгарный марксистский историзм и атлантический глобализм, отечественная наука взяла на вооружение ортодоксально-конфессиональный схематизм [10].

Вторая проблема: цельный исторический процесс в угоду внутрисистемной логике разбивается на отдельный конгломерат «самостоятельных» частных историй и форм социокультурного пространства (литература, искусство, образование, наука и технологии, религия, общественный быт, социально-политическая мысль и т. д.), а затем эклектично между собой инте-

грируется. Отрасли историко-культурного пространства, которые избирательно собирают в видимость единого целого, не выдерживают репрезентации на всем континууме русской социокультурной истории. Данный принцип синтезирует субъективные взгляды вариативных исследователей, отражающие необходимые идеологемы (морально-нравственные, эстетические, религиозные, политические склонности) [10].

Стержневая преемственность патерналистской социокультурной матрицы представляет собой единый, строгий смысловой «конструкт» мировоззренческих универсалий российской цивилизации, который не поддается системной динамике при поступательной изменчивости культурно-исторической фактуры и форм феноменологии.

На протяжении всего становления и развития социокультурная программа закладывает зародыш для самоидентификации единой ценностно-смысловой феноменологии, влияющей на складывание российской цивилизации. Она не исключает неоднородных факторов метадинамики (дореклексивных (обыденных), рефлексивных (специализированных) и надрефлексивных (спекулятивных) смысловых стратификаций) – «наслаивающихся» на ментальное основание социокультурной матрицы в разные периоды истории [9]. Фактурная феноменология является причиной волнообразной эволюции социокультурной поверхности российской истории, что говорит об органичной дискретности исторического процесса. Фазовый кризис и противоречивость развития российской цивилизации обуславливались временной растянутостью системных и институциональных проектов и преобразований, перманентной незавершенностью реформ, научно-техническим отставанием и «погоней» за западным модернизмом.

Пограничная периферийность или великий лимитроф, основанный на уникальном территориально-пространственном расположении России между Западом и Востоком, Европой и Азией, породили имплицитную противоречивость национального самосознания.

На деле такая особенность зачастую была источником многовековых конфликтов, споров, идеологических дискурсов, которые стали показательным примером синкретичного ценностно-смыслового единства социокультурного пространства российской цивилизации [10]. Отсюда исходит рождение аксиомы о феномене российского бытия, корнями уходящего в философские рассуждения П. Я. Чаадаева. Фундаментальность и широта обозначенной чаадаевской проблематики раскрыли целый ларец для многозначительного обсуждения и спекуляции. Из этого круга материализовались славянофилы и западники, чья метафизика сводилась к подчеркиванию неповторимости «русского духа» по отношению к Западу. Мыслители гордились характером российского менталитета, выражали глубокую уверенность в совершенстве российской самобытности и соборности [19].

Вопреки социокультурной «пограничности» и асимметричности российская социокультурная матрица оказывается полиморфной, пластичной и адаптационной к постоянным динамическим вызовам и кризисам исторического процесса. Гибкая устойчивость к внешним угрозам обуславливает критическую историческую выживаемость русской социокультурной програм-

мы. Патернализм как стержневой контур ценностно-смыслового единства проходит генеральной линией над вопросом жизнеспособности русской социокультурной матрицы в условиях мегаисторических коллапсов, проблемы внутренних нерелексированных и гипертрофированных паттернов, в сочетании с дисбалансом культурно-исторического развития российской цивилизации [9].

Архитектоника И. В. Кондакова способствует преодолению дивергенции социокультурного пространства российской цивилизации, а также отказу от поляризации фреймов в едином социокультурном поле [9].

Поэтому Россия не просто существует на началах патерналистской традиции. Благодаря патернализму государство остается полноценным жизнеспособным историческим субъектом. Патернализм – квинтэссенция цивилизационного экзистенциализма российского общества.

О государственном патернализме не в открытую, но с явными намерениями писали некоторые русские просветители. М. В. Ломоносов приводил следующее формальное сравнение Римской и Российской империи: «Римское государство гражданским правлением возвысилось, гражданским пришло в упадок. Напротив того, разномысленною вольностью Россия едва не дошла до крайнего разрушения [речь про Смутное время], самодержавством как сначала возвысилась, так и после несчастных времен умножилась, укрепилась, прославилась» [12, с. 21, 22]. Смело можно согласиться с мыслями Н. А. Лях, которая продолжила афоризм: «Россия “самодержавством” же и разрушилась в феврале 1917, “самодержавством” (тоталитаризмом) укрепилась в советское время, а в конце 90-х гг. XX в. стала суперпрезидентской республикой» [13, с. 112].

Н. М. Карамзин подчеркивал, что «самодержавное правление [в России] есть правление отческое и патриархальное» [7, с. 21]. В своих философских памфлетах П. Я. Чаадаев размышлял о сильной власти российского монархического режима, о том, что цари «почти всегда тащили страну на буксире без всякого участия самой страны», отмечал пассивность народной воли в вопросах ведения государевыми делами, страх инициативности и разрывности с крестьянской общиной, но в противовес сильный и влиятельный характер императора, авторитарность властвования «царя-батюшки». Государственный патернализм царской России упирался в народное упование «верхов», которое лучше мыслило, чего желает простой крестьянский рабочий [19, с. 143].

Основанием для государственного патернализма в российской культурной традиции стала патриархальная семья. Специфика заложения «вождизма» обуславливалась многими социально-экономическими, природно-климатическими и военно-политическими обстоятельствами. Для восточнославянских племен средней полосы Восточно-Европейской равнины была характерна мобилизационная форма организации общегития, которая оптимально проводилась за счет централизованного способа управления и контроля. Наличие командно-коллективной и учетной системы властвования способствовало плавному процессу развития восточнославянских племенных союзов.

Авторитаризм главы семьи не был полностью свободным: функции народовластия ограничивались традициями семьи, племени, племенного союза. Полнота власти в эпоху военной демократии была ограничена семейным съездом, народным собранием или советом старейшин – коллективной формой принятия судьбоносных решений. Ответственность за решение вопросов скрывалась за коллективом или авторитетным лицом, тогда как простые обыватели не испытывали потребности ощущать себя полноправными членами семьи, голос или инициация которых могла повлиять на ход событий.

У восточных славян процветала социальная леность – перекладывание личной ответственности на семью, общину, племя, государство, на любой иной субъект властвования. Происходил сознательный отказ от индивидуальной ответственности. За главой семейства закреплялась функция внешнего сношения с «миром»: соседями, старейшинами, чиновниками, барином и др. Имущественные и поземельные отношения требовали от «патрона» семьи распределения функций, тогда как домочадцам доставалось роль исполнителей. Социальная леность укоренилась в архетип подсознания русского крестьянства и русской общины (которые перманентно испытывали желание найти своего «отца-покровителя»). Взаимоотношения между «патроном» и общиной, крестьянином и общиной станут проекцией патерналистской социокультурной матрицы российской цивилизации. Не зря некоторые выводы отечественных культурологов сводятся к мысли: «культура русского человека отличается внутренней безответственностью и жесткой внешней ответственностью» [13, с. 114].

Крестьянская община с самого начала формировалась как оплот корпоративного экзистенциализма: община в роли патрона предоставляла платформу для трудящихся, распределяла средства труда, заботилась о нетрудоспособных категориях населения, выделяла для них минимальную поддержку.

Кроме крестьянской общины функцию «опекунства» на себя вобрало помещичье хозяйство. Складывание боярско-вотчинного землевладения обусловило формирование корпоративно-вассальных взаимоотношений крупного феодала и крестьянской общины. Историк К. Д. Кавелин справедливо писал о том, как крестьяне понимают отношения между собой и к другим: «Помещика и всякого начальника они называют отцом, себя его детьми. В деревне старшие зовут младших молодками и робятами, младшие старших – дядями, дедами, тетками, равные – братьями и сестрами» [6, с. 15.].

Дух государственного патернализма, преимущественно византийского колоната, приобрел институциональное закрепление в годы правления Владимира I Святого и Ярослава Мудрого. Принятие христианской веры в конце X в. способствовало консолидации идеологемы «патронажа» в ментальном восприятии и поведенческой матрице восточнославянских народов. На почве христианской догматики воссоздалась «народная православная вера», которая отходила от ортодоксальной трактовки Священного Писания, тогда как, напротив, сохранялся былой культ языческой атрибутики. Российская социокультурная традиция унаследовала от христианской церкви жесткие ограничительные механизмы подавления человеческой воли.

В целом православная ветвь христианства даровала два способа проявления «отеческой» заботы: 1) библейский (старозаветный) – жестко-карательный; 2) евангельский (новозаветный) – любовный. В российской социокультурной матрице был заложен первый тип взаимоотношений между патроном и клиентом – библейский способ воспитания: «Нагибай выю его в юности и сокрушай ребра его» (Сир. 30:12) [17, с. 862]. Выбор княжеско-дружинной элитой данного варианта воспитания был обусловлен суровым «пограничным» характером расположения восточнославянской народности. Древнерусское общество X в. сформировалось под модусом всеобщей мобилизации человеческого ресурса: «встать на защиту патриархальной семьи, крестьянской общины и вожака», «культ жертвенности во благо спасения всех остальных» и «сакрализация страдания за мир (общину)» – всеобъемлющие постулаты отечественной патерналистской культуры [15].

Несмотря на это, централизация власти вокруг «князя-большака» из рода Рюриковичей претерпевала многочисленные испытания. Первые русские князья не обладали полнотой власти над вассальными территориями. Неоднократно происходили восстания среди «собранных» восточнославянских племен. Полноценную систему управления со всей привычной фактурой государственности удалось выстроить только в годы правления Ярослава Мудрого. Однако с подъемом авторитета великого киевского князя росло влияние боярско-вотчинного землевладения, в орбиту которого отходили крестьянские общины, а вместе с ними обширные пахотные угодья.

После смерти Ярослава Владимировича у клана Ярославичей появилась проблема на фронте княжеских династических интриг и как следствие конфликт «власти» и «земли». Многие горожане Киева, Новгорода, Чернигова, Переславля, Смоленска и иных селений понимали, что княжескому семейству нет дела до защиты своих подданных от угрозы половецких ратей, отчего крестьянская община и посадское население искали выручки у крупных феодалов или удельных князей [16, с. 232.]. В своих размышлениях философ Н. А. Бердяев фиксировал противоречивость русской поведенческой модели: «незащищенный народ всегда ищет нового “покровителя”; выбирают по традиции того, кто больше соответствует сложившемуся образу “отца”». Он указал на эклектичность русской души, которую распирает борьба между «анархизмом» и любви к правительству, устремление умереть за свободу и в один момент уподобиться низости стать покорным своему патрону [1, с. 9]. Н. А. Бердяев объяснял подобную аномалию бедностью личного начала русского человека, гражданской постностью, безответственностью, стихийным коллективизмом. Простота и желание переложить ответственность на более могучего существа – единственный стимул крестьянского коллектива остаться в жизнеспособном состоянии. Для княжеской воли решение дел личной выгоды в войне за Киевский стол были более приоритетны, тогда как реальные проблемы оставались за бортом внимания. По этой причине крестьянская община находила новый источник собственной защиты – покровительство со стороны крупных землевладельцев (боярские вотчины, удельно-княжеские земли и церковные территории). Авторитетность Киев-

ского стола ослабла. Новой реалией в истории Руси стала феодальная и политическая раздробленность.

Разрыв исторического пути развития отдельных княжеств бывшего Древнерусского государства повлиял на складывание разных моделей социокультурной традиции патернализма.

Новгородская и Псковская земля избрали вариант республиканской формы правления, в которых роль князя была серьезно ограничена новгородским вече и Советом господ. В Новгороде сформировалась целая олигархическая элита, представленная боярскими кланами, посадником, тысяцким и архиепископом (владыкой). Случались происшествия, когда негласный вассальный договор между феодалами и крестьянской общиной нарушался, что провоцировало волну недовольства и злобы. Самым заметным событием стала налогово-обременительная политика посадника Дмитра Мирошкинича в 1207 г. [18]. Злоупотребление властью привело к масштабному бунту со времен изгнания князя Всеволода Мстиславича в 1136 г. Мятеж «Земли» против «Власти» обернулся погромом усадьбы рода Мирошкиничей и их опале [20].

В 30–40 гг. XIII в. на северо-западе Руси возникла угроза со стороны пришлых католиков. Возвышение авторитета княжеской власти после триумфального отражения шведско-немецкой агрессии Александром Ярославичем Невским вызвало глубокую озабоченность среди влиятельных боярских кланов. Сильный князь представлял угрозу новгородской боярской партии, что служило причиной принудительного «отъезда» Александра из Новгорода. В Новгородской и Псковской республиках сформировалась уникальная система договорных отношений. Плотное сотрудничество республик с европейскими державами на платформе Ганзейского союза укрупняло политическую философию участия и демократически-олигархический дух управления на территории северо-западных земель Руси.

Иная картина складывалась на территории Северо-Восточной Руси. Фактор пограничного соседства с Волжской Булгарией, Диким полем, амбициозная политика владимирских князей, борьба за единоличную власть с влиятельным боярством стали причинами кристаллизации патерналистской социокультурной матрицы [15].

Владими́ро-Суздальское княжество унаследовало от киевоцентричного Древнерусского государства авторитарно-патриархальный стиль управления. Флагманом создания обновленного общественного уклада стал владимирский князь Андрей Боголюбский. Главной заботой Андрея Юрьевича являлось активное противоборство боярскому сепаратизму, борьба за великокняжеский титул и учреждение во Владимире новой митрополичьей кафедры. Подавление боярского вольнодумия, принижение влияния церковного конгломерата и оттеснение от «дел княжеских» своих родственников обуславливалось стремительной борьбой Андрея за сильную и единоличную власть. Существовавшая привычная феодально-дружинная система, обслуживающая интересы князя и дружины на условиях «вассального договора», была разбита об новую систему «подданства», в рамках которой князь – не «равный среди братьев» сюзерен, а полновластный господин, «отец» своей земли, а

его дружинники – покорные младшие (детские) – из договорных вассалов трансформируются и становятся господскими министералами (бездоговорными). Фактически складывается институциональная патерналистская стилистика управления. Консолидация княжеской власти не осталась без последствий: деспотизм и рвение к боярскому смирению привели Андрея Боголюбского к гибели. После покушения на князя Владимиро-Суздальская земля впала на два года в междоусобную войну между боярами, братьями и кровнородственными сыновьями Андрея Юрьевича [8].

Похожей политики придерживался Всеволод III Большое Гнездо, Юрий Всеволодович и Александр Невский (будучи обладателем ярлыка на Великое Владимирское княжение). Апогей патерналистского управления наступил с момента установления татаро-монгольского ига. Тюркская практика государственной организации была увековечена в политике некоторых вассальных княжеств. Патернализм приобрел многоуровневый и запутанный характер. На вершине структуры размещался хан Золотой Орды и его приспешники. Князь занимал промежуточное звено: его задача состояла в достижении внимания хана (задабривание, излишняя выплата дани), чтобы заполучить заветный ярлык на княжение. Право сбора дани со всех княжеств позволяло сохранять часть ресурсов и использовать для усиления собственной подвластной земли. Как подчеркивал историк Н. Я. Данилевский, «московские князья взяли курс на “облегчение” тягостей русского народа, которую несло монгольское иго. Московские правители исполняли роль покровителя земли Русской, которая хоть и выполняла волю ханского властителя, но вместе с тем сбавляла накал страстей, избавляла народ от гнева золотоордынского; власть верховная зарекомендовала и авторитет свой перед людьми, и любовь нежную» [3, с. 258].

Кроме гибкой политики отношений с Золотой Ордой возвышение Москвы в XIV–XV вв. проходило под эгидой идеологической доктрины синтеза великокняжеской власти и христианского догматизма. По утверждению историка Л. А. Тихомирова, монархия не может быть жизнеспособной без двух составляющих: религиозного идеала и верховной власти, опирающейся на рекрутирование социальных слоев. Московская Русь воссоздала идеал самодержавного правления [14, с. 14]. «Светлый лик персонального управления над всем пространством, вытекал из христианской догмы общих жизненных целей». Формула напоминала конфуцианскую культурную традицию: Отец Небесный даровал в награду народу управленца, раба Божьего, князя святого, чтоб тот руководил от его имени [14, с. 218].

Русские подданные, начиная от влиятельных боярских кланов, заканчивая ключниками и бобылями, молились в церкви за душу царя, за силу его и покровительство. Патерналистская традиция отразилась в русском народом фольклоре, литературе и бытовом обращении. Моление на царя сопровождалось ласковыми изречениями «царь-батюшка», «царь-самодержец», «надежда наша», «истинный православный» и др. В такой конфигурации собралось многое: власть, родственность, упование и сознание источника политического принципа [14, с. 241].

Так родилась и утвердилась в отечественной социокультурной матрице патерналистская традиция: культ покровительства и ожидание «чуда», безынициативность и перекалывание ответственности на царя-батюшку. Чем жестче была «опека», тем больше вокруг нее создавалась форма почитания. Кара над предателями своей «огромной семьи» превращалась в целое торжество. Деятельность царя сама по себе насыщалась праведностью и неоспоримостью. Чем сильнее этот фактор, тем выше вероятность отрыва государя от реальности, что провоцирует тенденцию не замечать серьезных проблем в социальной жизни общества. Любой сдвиг в нарушении отцовской заботы приводил к колоссальным взрывам народного негодования. Новгородское восстание, бунт Хлопка, восстание И. Болотникова, К. Булавина, С. Разина, крестьянская война Е. Пугачева и другие проходили не под гласными лозунгами «Свобода, равенство и братство!» или «Долой царя!». Наоборот, крестьяне желали навести порядок, вернуть былой уклад монаршего покровительства. Общинное сознание сводилось к возобновлению атмосферы благополучия, которое даровала патриархальная система. Отступление от функции «заботы» и переход к деспотизму нарушали не только безоговорный фундамент взаимоотношений между патроном и клиентом, но и Божьи заветы. Задачи бунтующих выглядели оправданными и сакральными – вернуть исходное положение дел, уравновесить дисгармонию, найти новый источник благоверного покровительства. Это еще раз доказывает: какой бы ни была историческая угроза в условиях асимметричного развития России, государственный патернализм как маркер ценностно-смыслового единства являлся инструментом выживаемости российской государственности.

Заключение

Исследование установило наличие причинно-следственных связей между социокультурной матрицей и государственным патернализмом. Государственный патернализм сам по себе синтезирован в контекстно-смысловое единство российской цивилизации. Он способствует объединению разнородных периодов отечественной истории в целостный метанарративный сюжет.

Государственный патернализм для России служит узловым каркасом, который удерживает российское общество от мегаисторических коллапсов. Государственный патернализм обеспечивает цивилизационную выживаемость российского общества. Разные по духу исторические периоды российской истории сосуществуют вместе, а детализированная и парадоксальная историко-культурная эмпирика укладывается в общую хронологическую линию. Особенность российской патерналистской социокультурной матрицы заложена в детерминированности с природно-климатическими, историко-культурными и психологическими условиями формирования традиционного поведения и идентичности граждан российского государства.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 220 с.
2. Вебер М. Хозяйство и общество. В 4 т. Т. 1. М. : Высш. шк. экономики, 2016. 444 с.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991. 573 с.

4. Ермоленко Т. Ф. Патернализм в России: культурологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01. Ростов н/Д, 2000. 38 с.
5. Ермоленко Т. Ф. Патерналистические традиции российской политической культуры // Власть. 2001. № 1. С. 66–69.
6. Кавелин К. Д. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры. М. : Правда, 1989. 653 с.
7. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. : Наука, 1991. 125 с.
8. Кобрин В. Б., Эскина Ю. М., Юрганова А. Л. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии, XV–XVI вв. М. : Изд. центр РГГУ, 1995. 238 с.
9. Кондаков И. В. Архитектоника русской культуры : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 24.00.01. М., 1998. 74 с.
10. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры : учеб. пособие для вузов. М. : Аспект-пресс, 1997. 686 с.
11. Литвина С. А. Установки на патернализм по отношению к политической власти как транскомуникативные образования и их взаимосвязи с элементами образа социального мира в ментальности россиян : дис. ... канд. псих. наук : 19.00.05. Томск, 2005. 178 с.
12. Ломоносов М. В. Древняя российская история. Россия и Европа: опыт соборного анализа. М. : Родина, 2020. 288 с.
13. Лях Н. А. Патернализм в России // Россия и АТР. 2002. № 2. С. 111–123.
14. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб. : Комплект, 1992. 674 с.
15. Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М. : Наука, 1975. 429 с.
16. Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М. : Госполитиздат, 1955. 280 с.
17. Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. В 7 т. Т. 3 / под ред. А. П. Лопухина. Изд. 4-е. М. : Дарь, 2009. 960 с.
18. Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социал. и полит. борьбы конца IX – нач. XIII ст. СПб. : Изд-во С.-Петербурга, 1992. 280 с.
19. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего : избранные сочинения : письма : воспоминания современников. СПб. : Лениздат, 2014. 285 с.
20. Янин В. Л. Новгородские посадники. М. : Языки славян. культуры, 2003. 511 с.

References

1. Berdjaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian Communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 220 p. (in Russian)
2. Veber M. *Hozjajstvo i obshhestvo* [Economy and society]. In 4 vols. Vol. 1. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2016, 444 p. (in Russian)
3. Danilevskij N.Ja. *Rossija i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991, 573 p. (in Russian)
4. Ermolenko T.F. *Paternalizm v Rossii: kulturologicheskij analiz* [Paternalism in Russia: a cultural analysis]. Dr. sci. diss. abstr. Rostov on Don, 2000, 38 p. (in Russian)
5. Ermolenko T.F. *Paternalisticheskie tradicii rossijskoj politicheskoy kultury* [Paternalistic traditions of Russian political culture]. *Vlast*, 2001, no 1, pp. 66-69. (in Russian)
6. Kavelin K.D. *Nash umstvennyj stroj: stat'i po filosofii russkoj istorii i kultury* [Our mental system: articles on the philosophy of Russian history and culture]. Moscow, Pravda Publ., 1989, 653 p. (in Russian)
7. Karamzin N.M. *Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otoshenijah* [A note on ancient and new Russia in its political and civil relations]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 125 p. (in Russian)
8. Kobrin V.B., Jeskina Ju.M., Jurganova A.L. *Materialy genealogii knjazhesko-bojarskoj aristokratii, XV-XVI vv.* [Materials of the genealogy of the princely boyar aristocracy, 15-16th centuries]. Moscow, RSUH Publ. Center, 1995, 238 p. (in Russian)
9. Kondakov I.V. *Arhitektonika russkoj kultury* [Architectonics of Russian culture]. Dr. sci. diss. abstr. Moscow, 1998, 74 p. (in Russian)
10. Kondakov I.V. *Vvedenie v istoriju russkoj kultury* [Introduction to the history of Russian culture : textbook for universities]. Moscow, Aspekt-press Publ., 1997, 686 p. (in Russian)

11. Litvina S.A. *Ustanovki na paternalizm po odnosheniju k politicheskoj vlasti kak transkomunikativnye obrazovanija i ih vzajmosvjazi s jelementami obraza social'nogo mira v mental'nosti rossijan* [Attitudes towards paternalism in relation to political power as transcommunicative formations and their interrelationships with elements of the image of the social world in the mentality of Russians]. Cand. sci. diss. Tomsk, 2005, 178 p. (in Russian)
12. Lomonosov M.V. *Drevnjaja rossijskaja istorija. Rossija i Evropa: opyt sobornogo analiza* [Ancient Russian history. Russia and Europe: the experience of Conciliar analysis.]. Moscow, Rodina Publ., 2020, 288 p. (in Russian)
13. Ljah N.A. Paternalizm v Rossii [Paternalism in Russia]. *Russia and the Asia-Pacific region*, 2002, no 2. pp. 111-123. (in Russian)
14. Tihomirov L.A. *Monarhicheskaja gosudarstvennosti* [Monarchical statehood.]. St. Petersburg, Komplekt Publ., 1992, 674 p. (in Russian)
15. Tihomirov M.N. *Drevnjaja Rus* [Ancient Russia.]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 429 p. (in Russian)
16. Tihomirov M.N. *Krestjanskije i gorodskie vosstanija na Rusi XI-XIII vv.* [Peasant and urban uprisings in Russia of the 11-12th centuries.]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, 280 p. (in Russian)
17. *Tolkovaja Biblija, ili Kommentarii na vse knigi Sv. Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta* [An Explanatory Bible, or Commentaries on all the books of St. Peter. The Writings of the Old and New Testaments]. Ed. A. P. Lopukhina. In 7 vols. Vol. 3. Moscow, Dar Publ., 2009, 960 p. (in Russian)
18. Frojanov I.Ja. *Mjatezhnyj Novgorod: Očerki istorii gosudarstvennosti, social. i polit. borby konca IX – nach. XIII st.* [Rebellious Novgorod: Essays on the History of Statehood, social. and watered. the struggles of the end of the 9th – beginning of the 13th century.]. St. Petersburg, Petersburg University Publ., 1992, 280 p. (in Russian)
19. Chaadaev P.Ja. *Apologija sumasshedshego : izbrannye sochinenija : pisma : vospominanija sovremennikov* [The apology of a madman: selected works: letters: memoirs of contemporaries.]. St. Petersburg, Lenizdat Publ., 2014, 285 p. (in Russian)
20. Janin V.L. *Novgorodskie posadniki* [Novgorod posadniki.]. Moscow, The languages of the Slavs. culture Publ., 2003, 511 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Федоров Владислав Глебович
преподаватель, аспирант, кафедра всеобщей
истории, политологии и регионоведения,
историко-социологический институт
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева
Российская Федерация, 430005, г. Саранск,
ул. Большевикская, 68/1
e-mail: thisisvladislav@mail.ru
ORCID 0000-0001-6677-9510

Information about the author

Fedorov Vladislav Glebovich
Lecturer, Postgraduate, Department of General
history, political science and area studies,
Historical and Sociological Institute
National Research Ogarev Mordovia State
University
68/1, Bolshevistskaya st., Saransk,
430005, Russian Federation
e-mail: thisisvladislav@mail.ru
ORCID 0000-0001-6677-9510